
Актуальные вопросы развития инновационной экономики

УДК 316.34

В. И. Глазко, Т. Т. Глазко, И. Б. Костин

Экономическое развитие России как следствие динамики ее стратификации

Рассматриваются вопросы взаимосвязи структуры общества и динамики его экономического развития. Обсуждается связь между увеличением межгрупповых (межсословных) контактов внутри социума и ростом экономического успеха. Представлены данные, свидетельствующие о том, что инициатором и движущим фактором развития России были властные структуры.

Ключевые слова: стратификация, теория систем, социальная сеть коммуникаций, экономическое развитие.

Экономическое развитие общества является производным от его организации. Эта, еще школьная, истина до сих пор остается за кадром традиционных попыток построить прогноз развития экономики России и наметить пути его коррекции. Особую важность в период глобализации приобретают связи между структурированностью социума и динамикой его экономической сферы, поскольку экономическая динамика страны напрямую зависит от международной конкуренции. Поскольку любая экономика, по определению Н. Д. Кондратьева, имеет свою «генетику», свое наследуемое от предсуществующего состояния ядро, обязательным условием прогнозирования экономического развития становится выяснение прошлых экономических аспектов, особенностей их трансформаций и, следовательно, трансформаций структурированности общества. Россия в этом отношении уникальна. Она впервые в мире поставила эксперимент организации плановой экономики в масштабах всей страны. С одной стороны, он удался (судя по лидирующим в свое время позициям в мире по ряду показателей), с другой — потерпел полный крах. И здесь важно проследить социальные трансформации, лежащие в основе этих процессов.

По мнению Питирима Сорокина, разделение социума на группы есть результат дифференциации труда, а неравенство входящих в них людей — следствие отношения этих групп к полученному общественному продукту. По определению современной социологии, сословность, или социальные страты, формируются в зависимости от положения группы людей в пространстве четырех координат — власть, доход, образование и престиж. Принадлежность к определенной страте, как и перемещение людей из одной страты в другую, имеет субъективную и объективную компоненты. Чем больше такое передвижение контролируется доходом и властью, чем меньше

на этот процесс оказывают влияние профессиональный престиж и образование, тем примитивнее и жестче структура социума. И если доминирование дохода и власти в структуризации социума на ранних исторических этапах было совместимо с его выживанием, то в постиндустриальных обществах оно служит признаком глубокой структурной деградации.

Признаки такой деградации известны — об образовании свидетельствуют не уровень квалификации, а формальные дипломы о ней; в административном комплексе преобладают родственные династии; престиж профессионализма подменяется престижем дохода и принадлежности к властным структурам. Особую опасность представляет доминирование координат дохода и власти, родственных династий в академических структурах, ответственных за организацию науки, аналитическую и прогностическую функции развития социума. Решение этих проблем, по мнению ряда историков, имеет важное значение для России, поскольку на протяжении нескольких последних веков в российском государстве периодически повторялись социальные кризисы, основанные на выстраивании властной вертикали с последующим ее разрушением.

В социологии известны четыре главных типа стратификации — рабство, касты, сословия и классы. Первые три характеризуют закрытые общества, а последний — открытые, где, в отличие от закрытых, перемещения из одной страты в другую официально не ограничены. Сословия, предшествовавшие классам, типичны для феодальных обществ Европы с IV по XIV век. Для сословной системы, включающей несколько страт, характерна иерархия, выраженная в неравенстве положения и привилегий. В X — XIII веках было три главных сословия: духовенство, дворянство и крестьянство. В России со второй половины XVIII века утвердилось сословное деление на дворянство, духовенство, купечество, крестьянство и мещанство (средние городские слои). Сословия основывались на земельной собственности; права и обязанности каждого из них определялись юридическим законом и освящались религиозной доктриной; членство в них определялось наследством. Социальная мобильность существовала не столько между, сколько внутри сословий. Чем выше в общественной иерархии стояло сословие, тем выше был его статус.

Выделяют три основные модели стратификационных систем — западную, восточную и смешанную. Западную модель схематично можно представить в виде геометрической фигуры, в которой правящий класс по численности примерно равен низшему, а самый многочисленный — средний класс. Восточная модель в основном относится к обществам, где преобладает азиатский способ производства. Представить ее можно в виде пирамиды — образующие ее группы различаются объемом власти, богатства, престижа, а самым многочисленным является низший класс. По существу, это самая древняя стратификационная система. Около пяти тысяч лет назад она была установлена в Индии и сохранилась до наших дней, хотя и в несколько измененном виде. Ее особенность — жесткость границ между стратами и практическая невозможность перехода из одной в другую.

Социальная стратификация достаточно стабильна. Однако, когда в силу каких-либо причин рушатся границы между стратами и рождаются новые элементы социальной системы, возникают риск превращения населения в неорганизованную массу и предпосылки для социальных потрясений.

Россия довольно долго переходила от закрытого общества к попыткам формирования открытого. Еще во второй половине XVIII века здесь начали оформляться правовые нормы общественного устройства. Первая социальная реформа в России произошла 18 февраля 1762 года при кратком правлении Петра III, когда дворян освободили от обязательной службы царскому дому, царскую дворню — от крепостничества. В 1766 году при Екатерине II в законодательстве появилось положение, остававшееся до 1917 года: «Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, от Самодержавной власти исходящих». Именно тогда в государственной политической практике стал утверждаться принцип преемственности писаных юридических норм.

Наряду с формированием высшего класса дворянства, сословной структуры, возникновение огромного территориального комплекса под названием «Россия» неизбежно порождало социальные проблемы. На огромной территории страны носителем и реализатором центростремительного начала выступала монолитная, «самодержавная», монархическая власть. Вопрос о стабильности всей государственной конструкции был главным. Сама природа российского имперства противоречила развитию полицентризма и региональной автономизации. При этом царь никогда в России не являлся «первым среди прочих» — он «венчался на царство». Православие наделяло царя особым ореолом, которого не имел никто из прочих смертных. Отсюда невозможность реформировать верховную власть, не выступая против религиозного авторитета православной церкви.

К началу XX века Россия еще была далека от универсального правового государства, но тенденция гуманизации, правового обеспечения социального жизнеустройства и государственного управления проявлялась на протяжении всего XIX века. До падения Российской империи в государственных структурах лидировало высшее сословие. Государство поддерживало дворян в получении качественного образования. Специальная сеть элитарных учебных заведений была целиком предназначена для дворянских отпрысков. Она включала Александровский (Царскосельский) лицей, Императорское училище правоведения, Пажеский корпус, Смольный институт благородных девиц и др. Интересно отметить, что подобные преимущества в плане образования имели дети партийно-правительственного аппарата уже при Советском Союзе.

Другой важнейшей привилегией дворянского сословия была позиция в иерархии чиновно-служебных отношений, которая в СССР продолжилась в виде партийно-административной системы. Дворяне имели преимущества на государственной военной и гражданской службах. Это существенно замедляло темпы развития российского государства, тогда как к середине XIX века процесс утверждения конституционно-монархических правлений в западноевропейских странах уже завершился.

Аграрная реформа и ликвидация крепостных отношений — это, прежде всего, глобальные структурные изменения в экономике, сдвиг от аграрного общества к индустриальному и впоследствии к постиндустриальному. Весь опыт реформ в Европе, французских, германских, австро-венгерских, определяется, главным образом, даже не внутренним, а международным культурным влиянием (примерно с XVII века) из Англии, Нидерландов, северной Франции, которое вследствие культурного взаимодействия распространялось дальше и постепенно дошло до России. В Лифляндии и Эстляндии крепостное право было отменено примерно на 50 лет раньше, чем в России.

Несмотря на то, что, начиная с Екатерины, создавшей в 1768 году первую комиссию, первый комитет по освобождению крестьянства, все были убеждены в необходимости отмены крепостного права, на это потребовалось более ста лет. Еще Николай I собирался освободить крестьянство, но передал осуществление этой реформы своему наследнику — Александру II. И только в период максимальной слабости российской государственности, когда совпали несколько обстоятельств (поражение в Крымской войне и существенное отставание от просвещенной Европы), началось реальное проведение реформы.

Крепостная система наряду с общинным землепользованием на протяжении многих лет обуславливала отставание развития не только российского сельского хозяйства, но и промышленности. Из крепостных, к сожалению, не получались квалифицированные специалисты. Рынок наемного труда отсутствовал. Потребительские запросы населения носили в основном натуральный характер. Отставание промышленности тормозило развитие всего общества, в том числе и армии (в вооружении и снаряжении). Это и показала Крымская война, закончившаяся для России поражением. Проигрыш в Крымской войне потряс Россию и Николая I. Потребовалась очередная модернизация, которая, как это принято в России, в очередной раз прошла сверху. Александр II 19 февраля 1861 года подписал Манифест, где были прописаны общие принципы освобождения крестьян, обязательные для всей Российской империи, и утвердил проект Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, устанавливавший новые начала общественного устройства крестьянской жизни.

Крестьянская реформа 1861 года поставила вопрос о необходимости ведения хозяйства на земле по-новому и внедрения в практику земледелия основ науки. После отмены крепостного права и проведения преобразований местного управления, судопроизводства и других сфер общества жизнь в России существенно изменилась. Однако сословно-иерархическое ранжирование сохранилось. Не было юридического равенства людей. Их положение (статус) был законодательно определен принадлежностью к конкретной общественной группе — сословию. Специальный том Свода законов Российской империи (IX) включал «законы о состояниях», регулировавшие положение, права и обязанности каждого сословия (дворянства, духовенства, городских обывателей, сельских обывателей).

Высший статус имело дворянское сословие. Оно традиционно считалось опорой трона и государства. Одна из статей Свода законов гласила: «Дворяне, первая опора престола, принадлежат к высшему и большей частью просвещеннейшему классу жителей и, посвящая почти всю жизнь свою государственной службе, составляют и вне оной одно из надежнейших орудий правительства». К концу XIX века в России насчитывалось около 2 млн дворян (примерно 1,5 % населения).

Освобождение крестьян — великая, но не главная заслуга Александра II. На его счету много и других реформ, приблизивших Россию к просвещенной конституционной монархии (хотя конституция не была принята из-за преждевременной гибели царя-реформатора). Это реформа образования, земская, судебная, военная. С введением реформ произошло ослабление цензуры. В результате в 60—70-х годах XIX века возникла и определенная социальная среда (либеральная), в которую входили представители разных сословных и общественных групп, но настроение определяли те, кого называли «интеллигенцией». Это определение не являлось синонимом «интеллектуала» — оно лишь указывало на общественно-политическую, мировоззренческую ориентацию, направленную, главным образом, против государственного насилия с желанием переустроить мир на новых, справедливых, социальных началах. Вся либеральную общественность в России изначально отличало критическое отношение к реальной политической и социальной системе. Характер подобных представлений и ценностей Ф. М. Достоевский назвал «идеологией государственного отщепенства».

До 1917 года подобные воззрения разделяли различные круги страны и немалое число людей фетишизировало революцию, которая должна была привести к ее социальному преобразованию. Об этом четко написал С. Л. Франк, но уже в эмиграции: «В ту эпоху преобладающее большинство русских людей из состава так называемой “интеллигенции” жило одной верой, имело один “смысл жизни”, эту веру лучше всего определить как веру в революцию. Русский народ — так чувствовали мы — страдает и гибнет под гнетом устаревшей, выродившейся, злой, эгоистичной, произвольной власти. <...> Главное, основная точка устремления лежала не в будущем и его творчестве, а в отрицании прошлого и настоящего. Вот почему веру этой эпохи нельзя определить ни как веру в политическую свободу, ни даже как веру в социализм, а по внутреннему ее содержанию можно определить только как веру в революцию, в низвержение существующего строя. И различие между партиями выражало отнюдь не качественное различие в мировоззрении, а главным образом различие в интенсивности ненависти к существующему и отталкивания от него, — количественное различие в степени революционного радикализма» [1].

Прозрение наступило только после революции и прихода к власти большевиков. Так, П. Б. Струве писал о том, что интеллигенция «натравливала низы на государство и историческую монархию, несмотря на все ее ошибки,

пороки и преступления все-таки выражавшую и поддерживавшую единство и крепость государства» [2, с. 280]. Вместе с тем, С. Л. Франк отмечал: «Вплоть до самого последнего времени наш либерализм был проникнут чисто отрицательными мотивами и чуждался положительной государственной деятельности: его господствующим настроением было будирование во имя отвлеченных нравственных начал, против власти и существовавшего порядка управления, вне живого сознания трагической трудности и ответственности всякой власти» [3, с. 502]. Известен приговор Ф. М. Достоевского того времени, писавшего о том, что вся наша либеральная партия прошла мимо дела, не участвуя в нем и не дотрагиваясь до него; она только отрицала и хихикала. Игнорирование и незнание конкретных этноисторических условий делали русский либерализм и русских либералов абсолютно беспомощными в периоды обострения социальной ситуации, при малейшем соприкосновении с социальной стихией.

К началу XX века перестала существовать сословная субординация в большинстве западноевропейских стран. Осталось одно сословие — дворянство, но законодательно за ним не закреплялись никакие особые права. Буржуазия утвердила новую социальную иерархию, в которой основной координатой являлся доход.

Россия, в отличие от ведущих стран Запада, оставалась страной традиционной сельской цивилизации. В деревнях проживало 85 % населения империи. В городах это сословие также преобладало. Россия была крестьянско-общинной страной. Русская сельская община строилась на принципах взаимопомощи, уравнительности и распределительности. Это противоречило нормам буржуазного жизненного уклада — индивидуализму, прагматизму, социальному эгоизму. Отсюда и восприятие русского крестьянина как носителя специфической народной ментальности, «природного социалиста» и т. д. Народофильство («хождение в народ») интеллигенции оказалось не только мировоззренческим преувеличением, но и политически опасным заблуждением, что обнаружилось в процессе революции. Общинная психология, по сути, не включала уважительного отношения ни к личному материальному благополучию отдельных членов общины, ни вообще к любому индивидуальному выделению, «возвышению» над остальными, над «сельским миром». «Крестьянская ментальность» определила российскую историю XX века и, по-видимому, оказывает свое влияние и в веке XXI. Это было ведущим фактором утверждения господства большевиков после 1917 года.

Тенденции к нивелированию сословий к началу XX века были уже фактом и российской действительности. Однако, несмотря на то, что сословная субординация постепенно отходила на задний план, а в начале XX века некоторые отжившие нормы были отменены государством, сословная система в основных своих чертах сохранилась. Другим важнейшим элементом своеобразия Российской империи была политическая вертикаль власти, которую не затронули реформаторские усилия XIX века.

Ускоренная индустриализация, начавшаяся в России в конце XIX века, привела к социальной деформации, хотя по сути ничего в стране не изменила. Крестьяне-общинники в массе не в состоянии были на протяжении жизни одного поколения превратиться в современного фермера-агрария. Раскрестьянивание только способствовало возникновению маргинальной социальной среды, восприимчивой к самой радикальной пропаганде и к безответственности. Так, в декабре 1910 года в имперской столице проживало около 2 млн человек, среди них крестьян значилось более 1 млн 300 тыс. Подавляющая часть этой группы — рабочие столичных предприятий, прислуга, мелкие служащие. Готовность их к любому безответственному социальному действию показал февраль — март 1917 года. Многие предвидели скрытую потенциальную опасность маргинализации масс, обусловленную резким изменением социального устройства. Об этом, задолго до революции 1917 года, писал Ф. М. Достоевский: «Безбожный анархизм близок — наши дети увидят его. <...> Бунт начнется с атеизма и грабежа всех богатств, начнут низлагать религию, разрушать храмы и превращать их в казармы и стойла, зальют мир кровью и потом сами испугаются» [4, с. 63]. Гениальное прозрение Ф. М. Достоевского даже через годы пугало большевиков.

Лучше других ситуацию в России начала XX века понимал П. Столыпин. Своей задачей он ставил замирение непересекающихся миров России. С его именем связана аграрная реформа, которая, при сохранении помещичьего землевладения, способствовала развитию сельского хозяйства по капиталистическому пути и, в конечном итоге, росту промышленности и становлению государственности. Аграрная политика Столыпина открывала большие возможности зажиточному крестьянству: он предлагал предоставлять богатым крестьянам государственные кредиты, стремился ликвидировать систему общинного землевладения. Все это способствовало выходу России по развитию промышленности в первую пятерку стран мира.

Царское правительство в очередной раз пыталось провести модернизацию страны, но боялось ускорить переход сельского населения в пролетариат, что, несмотря на громадные усилия Столыпина, препятствовало формированию сельской буржуазии.

В начале XX века между аграрной субкультурой и быстро прогрессирующими структурами индустриального общества возник явный дисбаланс, имевший прямые политико-экономические последствия. В первой трети XX века было разработано несколько политико-экономических моделей (оптимальной экономической реконструкции и концентрации материально-технических ресурсов) решения этой проблемы, причем по существу речь шла не только и не столько об экономических, сколько о политических концепциях. Они неизбежно становились политическими — самореализующимися или самотормозящимися программами-прогнозами.

К числу наиболее значимых относятся: «стольпинские» реформы (в эволюционном плане представляют собой переформатирование системы горизонтальных, внутрисистемных, отношений на основе резкого возрастания

удельного веса конкуренции между субъектами экономической деятельности); «сталинская» сплошная коллективизация (гомогенизация, по существу — элиминация горизонтальной структуры и замена ее вертикальной, административно-командной субординацией); чаяновская концепция реструктуризации взаимоотношений между крестьянскими хозяйствами на основе развития кооперативного движения.

В начале прошлого века А. В. Чаянов [5—7] впервые обнаружил и описал механизмы формирования аграрной субкультуры (цивилизации) и наглядно показал, как тесно ее развитие переплетено с этническими, культурными и личными особенностями крестьян, а также со спецификой эколого-географических условий, в которых она развивается.

Он подчеркивал, что крестьянское хозяйство, основанное на труде семьи, остается постоянной составляющей всех экономических систем. Иными словами, оно относительно устойчиво и самодостаточно, и в основной своей массе не исчезает, а сохраняется как особая производительная сила. Это привело Чаянова к заключению о необходимости общегосударственной организации продовольственного дела — от заготовок у сельскохозяйственных производителей до распределения среди потребителей. В кооперации он выделяет две стороны: первая — организационно-хозяйственная (кооператив как предприятие) и вторая — социальная (кооперация как общественное движение). Говоря о кооперативном предприятии, Чаянов подчеркивал, что оно не самодовлеющее предприятие, а обслуживающее своих хозяев и их интересы. Это то, что потом назовут корпоративным интересом (этикой). Чаяновская идеология решения этих проблем — в определенной степени аналог методологии Столыпина, направленной на последовательные эволюционные преобразования, однако радикальнейшим образом отличается от нее по содержанию.

Столыпинские реформы преследовали цель переориентации вектора эволюции аграрной культуры России на сближение с утвердившейся в США моделью. Ее отличительная особенность — акцент на свободную конкуренцию субъектов экономической деятельности и создание правовой и социополитической среды, максимально ей благоприятствующей. При очевидных в то время чисто экономических преимуществах американской модели она с трудом вписывалась в специфический российский культурный контекст.

Позднее А. В. Чаянов в докладной записке, составленной по запросу комиссии Политбюро ЦК ВКП(б), выделил два основных типа эволюции сельского хозяйства, сформировавшихся к началу Первой мировой войны, — американский и восточный. Основные характеристики первого — дешевая земля, относительно дорогая рабочая сила, экстенсивное малотрудоемкое земледелие с крупными капиталовложениями и широкомасштабной механизацией; второго — дорогая земля, дешевая рабочая сила, сверхинтенсивная трудоемкая система земледелия при практически полном отсутствии механизации. Аграрная эволюция США протекала параллельно развитию товарно-рыночной системы. Сельское хозяйство Российской империи, напротив, представляло собой порайонный конгломерат с преобладанием тенденции развития либо по американскому, либо по восточному типу.

Демографическая структура страны формировалась вне зависимости от рыночных зон, поскольку основными факторами, определявшими плотность населения, служили плодородие почв и величина военной опасности в том или ином районе. Начавшееся во второй половине XIX века динамичное развитие рыночной системы привело к возникновению зон с более высокой или более низкой плотностью населения, чем это было экономически оправданным, поскольку демографический дисбаланс был слишком велик, чтобы его удалось быстро ликвидировать за счет миграционных процессов. В северных (промышленных) регионах империи развитие аграрной отрасли соответствовало, по мнению Чаянова, в основном восточной, а в южных и юго-восточных — американской модели.

Разрушение крестьянского общинного земледелия, усиленное административно-политическим прессингом, вызывало в этих условиях социопсихологический стресс всех слоев общества. Для преодоления политической нестабильности требовалась четкая работа отлаженной государственной машины, основанной на стабильном авторитете власти в массовом сознании. Между тем, в начале XX века Российская империя лишилась одного из стержневых элементов политической устойчивости — покорно-преданного «Царю и Отечеству» молчаливого православного большинства. Именно в этом, а не в происках революционных радикалов заключалась основная причина политической неудачи преобразований, которые связывали с именем Столыпина. Столь же внутренне противоречивой была и освященная именем И. Сталина модель «сплошной коллективизации». Экономический и социокультурный стресс в этом случае многократно превышал «стольпинский». Соответственно значительно выше был и уровень активности государственно-репрессивного аппарата. Коллективизация вписалась в общий механизм экономики мобилизационного типа и предоставила режиму финансовые ресурсы для резкого повышения военно-политического потенциала бывшего СССР. Однако долговременные деструктивные социополитические и экономические последствия оказались слишком глубокими, приведя через несколько десятилетий к системному кризису. Реализация политики сплошной коллективизации сопровождалась значительной депрессией валового сбора и урожайности зерновых и других сельскохозяйственных культур.

Таким образом, в России движущим фактором развития более трех веков была власть, опиравшаяся прежде всего, на капитал. Однако к результатам своей модернизации она относилась негативно. Власть представлялась ее обладателям гарантией успешности любых предпринимаемых ею реформ. Российские правящие элиты — верхняя часть пирамиды социума — на протяжении всей истории России опирались в основном на экономическую координату стратификации общества, что приводило их к действиям только из собственного понимания общественного блага. Очевидно, что до тех пор, пока для властных структур образование и профессиональный престиж не станут ведущими факторами, содействующими проведению любых реформ, эффективность последних будет непредсказуема. Особенно опасно это в современных условиях глобализации экологических, экономических рисков, увеличения взаимозависимости разных государств.

Актуальность анализа особенностей стратификации российского общества существенно увеличивается в связи с уникальными в истории человечества вызовами, обусловленными процессами глобализации и качественно изменившимися межгосударственными взаимоотношениями. Это требует разработки новых концепций контроля и управления социальными структурами, участвующими в организации аграрного сектора, поскольку сегодня — больше, чем когда-либо — становится очевидным, что именно эффективное сельское хозяйство лежит в основе продовольственной безопасности и устойчивого развития государства.

Известно, что отношение к глобализации варьирует от ее безоговорочного одобрения до осуждения тех, кто считает это новой формой колониализма. Гиперглобализм, или революционный глобализм, имеет своих последователей, которые полагают, что свободный рынок и конкуренция все расставят по своим местам, обеспечат эффективную глобальную экономическую интеграцию с максимальным использованием научно-технических достижений и свободно-рыночных механизмов при полном игнорировании сложившихся национальных образований, многих социальных, культурно-цивилизационных и природно-экологических императивов [8]. В условиях глобализации система международного разделения труда приводит к доминированию Северной Америки, ЕС и Восточной Азии. Лишь десяти развивающимся странам удалось внедриться в единый глобализированный рынок [9]. Остальные, как и Россия, находятся за его пределами. В связи с этим особую актуальность приобретает необходимость выявления возможных путей повышения эффективности межгосударственных взаимодействий в условиях глобализации. Очевидно, что для этого следует развивать представления об особенностях внутригосударственной структуризации социума и возможностях выделения характеристик, контроль и влияние на которые могут сказываться на экономическом развитии страны. В последние годы к решению таких сложных задач активно привлекают представления и методы теории систем.

Основы теории систем начали формироваться еще в середине XIX века [10]. Один из основателей биоинформатики, А. А. Ляпунов, писал, что «теория систем — это кибернетика без математики, а кибернетика — теория систем с применением математического аппарата» [11]. Наиболее успешно она развивалась такими экономистами, как Н. Д. Кондратьев [12] и А. В. Чаянов [6]. Кондратьев в своих работах предвосхищает формирование ряда понятий будущей общей теории систем (система, связи, элементы, жесткие и дискретные системы, материальные и информационные связи, подсистема, цель системы, ее замкнутость, эмерджентность), вводит понятия статичности и динамичности систем (в дальнейшем — гомеостаз и его нарушения). Динамику систем он подразделяет на качественные и количественные изменения. Количественные изменения — это изменения числа элементов системы, их объемных показателей; качественные не сводимы к количественным изменениям и представляют собой как бы формирование новых подсистем из предсуществующих элементов.

Наряду с этим Кондратьев также делит динамические процессы на эволюционные (необратимые) и волнообразные (повторимые или обратимые). Эволюционными он называет изменения, всегда протекающие при отсутствии резких внешних воздействий в одном и том же направлении. Эволюционный процесс представляет собой некоторую направленную последовательность звеньев; в данный момент времени в последовательности состояний объекта может присутствовать только одно звено, а не два, три или более. Вместе с тем, конкретный эволюционный процесс может повториться в другое время и в другом месте. Волнообразными Кондратьев называет такие процессы, при которых явление, изменившее свое состояние, через какое-то время может вернуться к исходному. Именно обратимые изменения элементов экономического процесса, их подверженность колебаниям он определял как суть закономерностей циклической динамики. К циклическим колебаниям предрасположены не только экономические, но и социальные и политические явления. Сегодня волновая динамика любой открытой системы, подвергающейся действию разнонаправленных факторов, сходных по интенсивности влияния, описана для многих систем. Тем не менее, родоначальником общей теории систем принято считать биолога Людвиг фон Бергаланфи [13].

В последнее десятилетие существенно возрос интерес к организации систем в различных областях исследований — от традиционных биологических, экономических до структурно-функциональной организации Интернета. Развитие теории систем позволило прийти к заключению о том, что большинство реальных систем, имеющих сетевую структуру, вне зависимости от возраста, функции и масштаба, обладает сходной, достаточно универсальной архитектурой, позволяющей исследователям из разных областей использовать ее как общую парадигму. Открытие универсальности в организации сетей, независимой от их масштабов, привело к формированию новой научной дисциплины — науки о сетях — со своим арсеналом задач и методов. Разработаны правила формализации эмпирических данных в качестве сети, основанные на теории построения графов. Критическими для такой формализации являются исходные предположения о взаимодействиях между разными узлами сети, их природе, временном масштабе. Выбор этих предположений определяет адекватность конечных результатов реальным процессам.

К настоящему времени развитие теории систем позволило получить ряд важных данных, способствующих, в частности, выяснению закономерностей в изменчивости социально-экологических взаимоотношений. Это особенно актуально сегодня, поскольку до сих пор считалось, что только государственные структуры могут контролировать использование природных ресурсов. Однако оказалось, что анализ 10 переменных во взаимоотношениях социума и экологии может способствовать выработке такой модели социальной самоорганизации, в которой возможно самоподдержание их устойчивого взаимодействия [14]. Современное развитие экономического кризиса наглядно проиллюстрировало известные глобальные взаимосвязи

между транснациональными ключевыми экономическими институтами. Описаны взаимосвязи между развитием техногенной компоненты социума (авиалинии, дороги) и распространением пандемий в человеческих популяциях [15].

Сегодня уже имеется пример прямого использования методов теории систем для выявления факторов экономического развития и оценки их значения.

Из представлений о стратификации социума видно, что чем жестче границы между стратами, тем меньше возможностей для взаимодействий между ними. Вместе с тем, известно, что социальные сети формируют основу социально-экономической жизни. До недавнего времени, однако, отсутствовали объективные характеристики, необходимые для изучения национальной системы сетевых социальных взаимоотношений и их экономических эффектов. В целях изучения этого вопроса английские исследователи выполнили анализ сетей социальных коммуникаций и уровня экономического развития в различных популяциях в пределах государственных границ Великобритании [16]. В качестве показателей структуры социальных контактов они создали базу данных на 2005 год по коммуникациям с использованием мобильных телефонов (более 90 % всех контактов на август 2005 года) и более чем 99 % всех частных и деловых наземных линий связи страны. На основании этой базы была сформирована пространственная сеть, имеющая 65×10^6 узлов, 368×10^6 вариантов пересечений со средней геодезической дистанцией (минимальное число прямых или косвенных путей, соединяющих два узла), равной 9,4, со средним значением ближайших узлов сети в 10,1 и главным компонентом (наибольший подграф связей), объединяющим 99,5 % всех узлов. Далее на полученную сеть были наложены данные об экономическом развитии разных сообществ в пределах страны. В этих целях использовали данные Британского правительства на 2004 год по индексу множественных ограничений (Index of Multiple Deprivation — IMD), представляющему собой комплексную меру, позволяющую оценивать относительное благополучие 32 482 сообществ, проживающих внутри страны. Она основана на оценках доходов, занятости, образования, здоровья, частоты преступлений, качества жилья и экологических характеристиках условий проживания в каждой области. Наложение этих двух вариантов — социальных сетей и IMD — позволило получить картину социально-экономического профиля каждого сообщества [16]. Получены данные о высоком значении коэффициентов корреляции, рассчитанных разными способами, между разнообразием социальных и пространственных контактов и индексом относительного благополучия сообщества. На основании выполненных исследований ученые пришли к выводу о том, что степень сложности социальных сетей коррелирует с экономической успешностью исследованных сообществ. Иными словами, им на основании методов теории систем впервые удалось показать, что одним из условий экономического благополучия сообществ является высокий уровень сложности социальных сетей.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Стратификация общества изначально была связана с его делением по четырем базовым координатам — власть, доход, образование, престиж. В России ведущей координатой была власть, опирающаяся на экономическую составляющую, что обуславливало непрогнозируемость последствий социальных реформ, многократно проводившихся властными структурами. Эти социальные реформы навязывались социуму без учета его готовности к ним, что в результате уводило от намеченных целей и обуславливало глубокие социальные напряжения. За реформами следовала, как правило, работа по преодолению их последствий, а за ней — новая реформа, и вновь проводимая властными структурами на основании формальных прогнозов, не связанных с глубоким анализом состояний структур самого общества.

В условиях глобализации пренебрежение такими координатами, как образование и престиж, особенно опасно, поскольку неизбежно снижаются конкурентные экономические возможности страны на мировых рынках. К настоящему времени уже развит понятийный и методический аппарат теории систем, позволяющий вести поиск и выявлять критические компоненты социальной организации, существенные для экономического развития социума. К одной из таких компонент относятся богатство и сложность коммуникативных социальных сетей, что несовместимо с жесткостью границ социальных страт, типичных для России.

Литература

1. Франк С. Л. Крушение кумиров // ВЕХИ: Б-ка русской религиозно-философской и художественной литературы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/frank/kumiry.html>
2. Струве П. Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Вехи. Из глубины: Сб-ки статей о рус. интеллигенции и рус. революции. М.: Правда, 1991. С. 279—280.
3. Франк С. Л. De Profundis // Вехи. Из глубины [Сб.] / Ин-т обществ. мысли; сост., авт. ст. и коммент. Н. И. Канищева. М.: РОССПЭН, 2010.
4. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 г. // Полное собрание сочинений. СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1895. Т. 11. Ч. 1.
5. Чаянов А. В. Записка о современном состоянии сельского хозяйства СССР по сравнению с довоенным положением и положением капиталистических стран, 6 октября 1927 г. // Известия ЦК КПСС. 1969. № 6. С. 211—215.
6. Чаянов А. В. Избранные труды. М.: Колос, 1993.
7. Чаянов А. В. Организация сельскохозяйственного опытного дела // Сельскохозяйственное опытное дело в РСФСР в 1917—1927 гг. Л.: Гос. ин-т опытной агрономии, 1928. С. 25.
8. Коллонтай В. М. Эволюция западных концепций глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 1. С. 24—30.

9. Федорова Т. Н., Першиков А. Н. Процессы глобализации и их теоретическое осмысление // CREDO NEW: Теоретический журнал [Официальный сайт]. 2007. URL: <http://credonew.ru/content/view/362/28>
10. Малиновский А. А. Тектология. Теория систем. Теоретическая биология. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
11. Ляпунов А. А. Краткое введение к статье А. А. Малиновского «Наука об организации и организация науки» // Природа. 1972. № 3. С. 271.
12. Кондратьев Н. Д. Основные проблемы экономической статики и динамики: Предвар. эскиз / АН СССР. Ин-т социологии; Комис. по науч. наследию Н. Д. Кондратьева; подгот. В. В. Иванов, М. С. Ковалева. М.: Наука, 1991.
13. Берталанфи Л. История и синтез общей теории систем // Системные исследования: Ежегодник. М.: Наука, 1973. С. 20—37.
14. Ostrom E. A General Framework for Analyzing Sustainability of Social-Ecological Systems // Science. 2009. Vol. 325. P. 419—422.
15. Vespignani A. Predicting the Behavior of Techno-Social Systems // Science. 2009. Vol. 325. P. 425—428.
16. Eagle N., Macy M., Claxton R. Network Diversity and Economic Development // Science. 2010. Vol. 328. № 5981. P. 1029—1031.

Questions of interrelations between structure of a society and economic dynamics of its development are considered. Interrelationship between increase in intergroup (interclass) contacts in society and growth of economic success is discussed. The data, testifying that government structures were the dominated initiator and the driving factor of development of Russian society, are presented.

Keywords: stratification, theory of systems, social network of communications, economic development.